

Глава 25

Перед глазами стояла непроглядная тьма, и оттого слух обострился до предела.

Он услышал не только крик, но и странный хлюпающий звук.

Словно что-то мягкое с силой вонзили во что-то твёрдое. Следом ударил густой, тошнотворный запах крови. В воображении сама собой возникла жуткая картина, и он не мог не тревожиться.

Цзинчжэ невольно шагнул вперёд, но, услышав шорох под ногами, замер, подавляя растущую тревогу.

Он боялся, что пострадал Жун Цзю... но ведь этого не может быть... наверное...

Он сжал губы. В ушах всё ещё звучала мольба У Дэ.

Если У Фу мог безнаказанно творить свои тёмные дела в Управлении по надзору за дворцовыми залами, пользуясь покровительством брата, значит, У Дэ был далеко не из тех, кто легко сдаётся. Судя по тому, с какой наглостью он ворвался сюда со своими людьми, было ясно, насколько он высокомерен и жесток.

И такой человек, столкнувшись с Жун Цзю, вдруг издал столь отчаянный вопль... полный ужаса... кажется, он даже упал на колени...

Эта разительная перемена, хоть и скрытая от глаз, была отчётливо уловлена чутким слухом Цзинчжэ.

Он знал, что Жун Цзю теперь служит при императорском дворе.

Значит, он и У Дэ были знакомы.

Когда Цзинчжэ инстинктивно пытался отослать Жун Цзю, он думал об этом, но в первую очередь не хотел, чтобы тот ввязывался в неприятности из-за него.

Ведь как это объяснить?

Стражник из личной охраны императора, от нечего делать, прибежал из дворца Цяньмин в Управление по надзору за дворцовыми залами... чтобы повидаться с простым евнухом?

Такое Цзинчжэ не мог произнести вслух.

И не хотел доставлять Жун Цзю хлопот.

Он коснулся пальцами прокушенной губы и снова прикусил её. Лёгкий привкус крови утонул в тяжёлом запахе, витавшем в воздухе.

...Так почему же У Дэ так боялся Жун Цзю?

Стражники — чиновники, евнухи — дворцовые рабы. Они жили в разных мирах и не должны были пересекаться. По идее... У Дэ не должен был испытывать такого страха...

И называть себя «рабом».

Он боялся положения Жун Цзю или... самого Жун Цзю?

Нельзя винить Цзинчжэ за такие мысли.

Испокон веков люди познавали мир с помощью пяти чувств. Внезапно лишившись зрения, Цзинчжэ мог полагаться только на свой слух.

И он цеплялся за любую информацию, полученную таким образом.

После того крика приведённые У Дэ внутренние прислужники, кажется, тоже испугались и с воплями разбежались. А Жун Цзю... он не вернулся...

Может, он погнался за ними?

А он...

Цзинчжэ коснулся повязки на глазах, желая сорвать её, но колебался.

Жун Цзю был зол.

Но он был зол не только на Цзинчжэ, на У Дэ — ещё больше. Цзинчжэ редко ощущал такую разницу в отношении к себе и другим, и оттого ему ещё сильнее хотелось узнать, что стало... с У Дэ.

Он склонил голову и выглянул из-за дерева.

Нерешительно шаркнув ногой, он просунул пальцы под повязку и осторожно оттянул её край.

«Я только взгляну, ничего ведь не случится... да?»

Случилось.

Да ещё как.

Он лишь слегка приоткрыл глаза, и яркий свет резанул по ним. Он тут же зажмурился, а когда, привыкнув к свету, открыл их снова, то уперся взглядом в стену.

Цзинчжэ замер и медленно поднял голову.

Он встретился с холодным, суровым лицом Жун Цзю.

— Э-э... Жун Цзю, ты вернулся... Ты ранен? — он смущённо улыбнулся и, собираясь сказать, что ничего не видел, заметил на мужчине кровь.

Испугавшись, он шагнул вперёд и схватил Жун Цзю за руку. Липкая кровь тут же испачкала его ладонь.

— Это не моя кровь, — медленно произнёс Жун Цзю.

Ни капли.

Он, казалось, не обратил внимания на действия Цзинчжэ. Его взгляд был прикован к повязке на глазах юноши.

— Цзинчжэ, ты ослушался.

У Цзинчжэ перехватило дыхание. Он надул губы, собираясь возразить, но Жун Цзю поднял палец и спокойно сказал:

— Я это запомню.

— ...Ты что, счёт ведёшь?

— Конечно, я запомню каждый раз.

Цзинчжэ почувствовал себя ужасно обиженным. Он хотел было поспорить, но запах крови ударил в нос, и он вдруг осознал, что сейчас не время и не место для пререканий.

Он снова оглядел Жун Цзю.

Так, прекрасное лицо в порядке, даже волосок не упал. Одежда... немного помята, но не сильно. Но манжеты, пояс и подол были забрызганы кровью, а правая рука, сжимавшая меч, представляла собой и вовсе ужасное зрелище.

— ...Ты... убил их?

Трудно было не задать этот вопрос.

И мольбы У Дэ, и недавний крик, и нынешний вид Жун Цзю — всё это было неправильно.

— Убил, — просто ответил тот.

Затем он вложил меч в ножны и отступил в сторону. Взгляду Цзинчжэ открылась ужасающая картина.

У Дэ лежал на земле лицом вверх, вцепившись руками в горло. Его глаза вылезли из орбит, готовые вот-вот выпасть, лицо было залито кровью... Взгляд Цзинчжэ скользнул ниже и увидел зияющую рану, от которой по коже побежали мурашки... на месте рта было кровавое месиво... можно было разглядеть обрывки гортани...

Эта картина была настолько шокирующей, что, несмотря на всю свою ненависть к У Дэ, Цзинчжэ едва не стошнило.

Он согнулся, прижимая руку ко рту.

К горлу подступила тошнота, во рту скопилась слюна. Он из последних сил сдержался, чтобы его не вырвало.

Закрыв глаза, Цзинчжэ немного перевёл дух и, оперевшись на колени, выпрямился.

— Ты... — он услышал свой собственный, осипший голос, — при дворе... вы с ним были... коллегами?

Жун Цзю внимательно следил за сменой выражений на лице Цзинчжэ, и на его губах появилось странное, искажённое подобие удовлетворения. К несчастью, Цзинчжэ всё ещё смотрел на труп и не видел этого.

— Вроде того.

Стражник и евнух, император и евнух. Почему бы и нет?

— ...Тогда почему он так тебя боялся?

Голос Цзинчжэ был тихим и невесомым, словно он ступал по мягкому хлопку. Он и сам чувствовал себя неустойчиво.

Это был первый раз, когда он видел такую кровавую сцену. Хоть он и быстро взял себя в руки, шок от увиденного затуманил его разум.

Даже вопросы звучали слабо и неуверенно.

— Ему и следовало меня бояться.

Он взял Цзинчжэ за руку. Кровь снова испачкала его запястье. На бледной коже кровавые разводы выглядели на удивление красиво.

Это пробудило в Жун Цзю желание толкнуть Цзинчжэ в траву.

Измазать его испуганное лицо яркой кровью. Контраст ослепительной белизны и багрянца создал бы прекрасную картину.

Ему отчаянно захотелось снова увидеть...

Испуганное лицо Цзинчжэ.

Но кровь этого ничтожества была слишком грязна.

Жун Цзю опустил взгляд, скрывая свою тёмную сущность, и своим обычным холодным тоном произнёс:

— Служа при дворе, я иногда убиваю людей. Должно быть, он знал о моём нраве, вот и испугался.

— ...Правда?

Цзинчжэ был в замешательстве. Ужасающая картина перед глазами, крики разбежавшихся евнухов... он вдруг понял, что не хочет знать, какая участь их постигла...

Ему всегда нравилось быть в объятиях Жун Цзю.

Ему казалось, что у него самого есть немного «тактильного голода».

Прикосновения рук, объятия — всё это ему нравилось.

Но почему-то сейчас объятия, которые должны были дарить чувство безопасности, казались ему разверзшейся бездной. Странное предчувствие билось в его сердце... он что-то упускает... что-то отчаянно пытается ему напомнить...

Ты действительно что-то упускаешь.

Но рука легла ему на талию.

Лёгкое похлопывание по спине, и тихий, почти нежный голос Жун Цзю:

— Не бойся, тебя никто не обидит. Цзинчжэ, закрой глаза и отдохни.

В его голосе слышались странные, убаюкивающие нотки.

Цзинчжэ замер, а затем молча прислонился к Жун Цзю, от которого пахло кровью.

— ...Разве это правильно? — прошептал он.

Неужели... всё в порядке?

— Конечно, — ответил Жун Цзю. — Всё будет в порядке.

Он сжал его шею сзади — умелое, выверенное движение, — и прежде, чем Цзинчжэ успел почувствовать боль, он потерял сознание.

Потрясений на сегодня было достаточно. Жун Цзю не хотел по-настоящему его напугать.

Он должен... защищать его.

Жун Цзю подхватил обмякшее тело и, взяв на руки, холодно взглянул на людей, которые, появившись из ниоткуда, уже стояли на коленях.

На лице Хэлянь Жуна появилось жестокое, убийственное выражение.

— Вы всё ещё ждёте приказа государя?

Явная жажда крови пронзила всех присутствующих. Хэлянь Жун, легонько похлопывая потерявшего сознание Цзинчжэ, зловеще улыбнулся.

У Фу от скуки сидел в комнате и гонял оставшегося внутреннего прислужника туда-сюда.

Он был самым тощим и слабым, и идти с остальными было бы только позором, поэтому У Дэ велел ему остаться и прислуживать У Фу.

Конечно, в Управлении по разным делам было не так уж мало слуг, но У Фу это не волновало.

Он был здесь как бесполезное украшение, но к каждому его слову прислушивались, и все были у него на побегушках.

— Что-то брат долго, — пробормотал У Фу. — Неужели от Управления по разным делам до Управления по надзору за дворцовыми залами так далеко?

Он знал характер У Дэ.

Тот всегда действовал быстро и решительно. Столкнувшись с угрозой, он устранял её самым быстрым способом.

Вот и сейчас, отправившись в Управление по надзору за дворцовыми залами, он, несомненно, быстро и жёстко покалечит всех причастных, прежде чем успеет вмешаться Цзян Цзиньмин.

Убить?

Нет-нет, У Дэ на такое не пойдёт.

Если он убьёт кого-то, то, даже будучи евнухом из дворца Цяньмин, не избежит наказания.

Но сделать человека калекой на всю жизнь — совсем другое дело.

На руках У Дэ не будет крови, и как бы ни злились Евнух-хранитель печати и Цзян Цзиньмин, они не смогут его тронуть.

Прикинув действия брата, У Фу снова пожалел о том, что не добрался до Хуэйпина. Хоть руки у того и были грубые от работы, сам он был белокожим и худым, довольно миловидным. У Фу давно на него заглядывался.

Но в тот день, когда пришёл Цзян Цзиньмин, он заметил другого, который был куда красивее Хуэйпина. И телосложение хорошее, вот только взгляд острый, такого легко не сломишь.

Хе-хе... такие ему тоже нравились.

У Фу нетерпеливо заёрзал и, оглядевшись, приказал внутреннему прислужнику:

— Пойди, открой третий ящик снизу в моём шкафу.

Лицо внутреннего прислужника мгновенно побледнело.

Он знал, что там.

Внутренний прислужник рухнул на колени и принялся бить поклоны.

— Господин, господин, потерпите ещё немного. Если вернётся Дедушка Дэ и увидит меня... он рассердится.

Но У Фу и слушать не хотел.

Видя, что слуга не подчиняется, он схватил подушку и швырнул ему в голову.

Слуга не посмел увернуться. От удара в голове зазвенело, и перед глазами потемнело.

— ...Живо... пошёл...

Внутренний прислужник, пошатываясь, поднялся и, как зомби, поплёлся к шкафу.

Там хранились многочисленные игрушки У Фу. Некоторые из них могли убить.

Внутренний прислужник, стоя перед шкафом, машинально схватил горсть игрушек и, как во сне, подошёл к У Фу.

У Фу, со своей сломанной ногой, не мог много двигаться.

Он опёрся на изголовье кровати и принялся выбирать.

Внутренний прислужник безучастно смотрел на него.

Жирное тело, похожее на жадного червя, извивалось, вызывая тошноту. При воспоминании о пережитом голова заболела ещё сильнее. Когда У Фу наконец выбрал игрушку и довольно замурлыкал, слуга разглядел, что это было.

...Он помнил, что у внутреннего прислужника, которого вынесли из этой комнаты, из тела торчала такая же штука.

Внутренний прислужник не знал, откуда в нём взялась смелость, откуда взялась эта ярость. В один миг его натянутые нервы лопнули. Он схватил табурет и со всей силы обрушил его на голову У Фу.

Удар был такой силы, что табурет разлетелся в щепки. У Фу даже не успел вскрикнуть и мешком рухнул на кровать.

Слуга задрожал.

Внутренний прислужник вскрикнул, разжал руки и в ужасе схватился за голову.

— Я убил человека... Ха-ха-ха... я убил человека... хи-хи-ха-ха...

От потрясения он то плакал, то смеялся.

В этот момент в комнату ворвались несколько человек. Слуга подумал, что это вернулся У Дэ со своими людьми.

И тут же пришёл в себя.

Зная, что его ждёт смертная казнь, он решил, что раз уж умирать, так не одному. В его сердце вспыхнула ярость. Внутренний прислужник схватил обломок ножки табурета и бросился на вошедших.

Когда он понял, что на них другая форма, было уже поздно.

Человек поднял руку, принимая удар на себя. Деревянный обломок разлетелся о его тело, но тот даже не поморщился, словно ничего не почувствовал.

— Увести, — приказал он.

Тут же подбежали люди и утащили обезумевшего внутреннего прислужника.

Вошедший быстро подошёл к кровати У Фу.

Глядя на лежащего, Вэй Хайдун не смог скрыть брезгливости.

Он заставил себя проверить пульс. К счастью, тот был ещё жив.

Слава богам, если бы он умер, где бы Вэй Хайдун нашёл другого, на ком император мог бы сорвать свой гнев!

Вэй Хайдун отступил на шаг и поднял два пальца.

— Тащите его.

Подумать только, тащить эту жирную свинью! Он не собирался заставлять своих людей надрываться.

Не жирно ли будет?

То, что его потащат, а не оставят здесь, — уже великая милость.

Он внутренне усмехнулся. Ему было любопытно взглянуть на того, кого император так бережно укрывал в своих объятиях. Но государь быстро завернул его в одеяло, не дав разглядеть даже пряди волос.

Неужели так дорожит?

Вэй Хайдун мысленно хмыкнул, но на его суровом, квадратном лице не отразилось и тени любопытства.

С этим же суровым выражением он и повёл своих людей, волочивших У Фу, за собой.

Вэй Хайдун ничуть не считал, что его используют не по назначению. Наоборот, он с нетерпением ждал представления.

Когда Цзинчжэ снова очнулся, он увидел знакомый потолок. Голова была тяжёлой и гудела.

Он сел, и кто-то тут же подбежал, чтобы поддержать его.

— Цзинчжэ, наконец-то ты очнулся.

— Вот же не повезло тебе, в самый разгар событий свалиться от солнечного удара.

— Ты в порядке? Хочешь горячей воды?

— Я позову Шиэня...

Голоса слились в один гул, отчего у Цзинчжэ, и без того не пришедшего в себя, голова закружилась ещё сильнее.

К счастью, Гушэн оказался самым сообразительным. Увидев, что Цзинчжэ нахмурился, он растолкал всех и громко заявил:

— Чего вы на него набросились? Совсем парня с толку сбили.

Цзинчжэ потёр виски. Голова действительно была как в тумане.

Он только что проснулся и не сразу понял, где находится, и даже не помнил, как уснул.

— Дело вот в чём, — взялся объяснять Хуэйпин под настойчивыми взглядами остальных. — Сегодня днём в Управлении по разным делам случилось несчастье. У Фу умер.

У Фу?

При упоминании этого имени Цзинчжэ тут же вспомнил об У Дэ, а затем и о событиях, произошедших днём.

Он мгновенно побледнел.

Хуэйпин, внимательно наблюдавший за ним, подумал, что тот испугался, и поспешил добавить:

— Нас это не касается. Это сделали люди из дворца Цяньмин.

Но чем больше Хуэйпин говорил, тем тревожнее становилось Цзинчжэ.

Как он мог быть спокоен?

Ведь люди из дворца Цяньмин — это Жун Цзю!

— Как умер У Фу?

Шиэнь, нетерпеливый от медлительности Хуэйпина, оттолкнул его и решил взять дело в свои руки.

Как можно рассказывать сплетни так занудно!

— Его брат, У Дэ, который служил во дворце Цяньмин, кажется, влип в какие-то неприятности. Когда за ним пришли, они оба оказали сопротивление и были убиты.

— Оба?

Цзинчжэ машинально повторил.

Это как-то... не сходилось с его воспоминаниями.

— Да, тела У Дэ я не видел, но на У Фу взглянул украдкой, — Шиэнь говорил с ужасом в голосе. Сейчас это были уже не просто сплетни, на его лице застыл страх, который передался и остальным. — Я видел... на его теле было множество дыр, он был похож на... кусок гнилого мяса.

Шиэнь был уверен, что сегодня ему будут сниться кошмары.

Особенно от мысли, что этот кусок мяса — У Фу. От этого кошмар становился ещё более отвратительным.

Хуэйпин, хоть и был бледен, спокойно сказал:

— Разве это не хорошо, что он умер?

Он оглядел остальных и даже слабо улыбнулся.

— Он и У Дэ мертвы. Для нас это значит, что... запасной план больше не нужен.

Юнькуй и Цзинчжэ переглянулись. Они действительно готовились к возможному приходу У Дэ, но...

Как сказал Юнькуй, раз оба брата мертвы, то и план больше не нужен.

Был вечер, но до отбоя было ещё далеко. Благодаря Юнькую у них была возможность зажечь свет по ночам. Все собрались в комнате Цзинчжэ. Гушэн даже сунул ему припасённую булочку.

Она была холодной, но хорошо утоляла голод.

Сидя на краю кровати, Цзинчжэ жевал булочку и слушал их разговоры.

Из обрывков фраз он смог сложить картину произошедшего.

С их точки зрения, всё началось с того, что в Управлении по надзору за дворцовыми залами нашли мёртвого евнуха. Испугавшись, об этом доложили наверх.

В это время Юнькуй был рядом с Цзян Цзиньмином и, естественно, узнал обо всём первым.

Смерть в Управлении — дело серьёзное.

Когда несколько начальников управлений уже собирались начать расследование, они получили сообщение от Евнуха-хранителя печати.

«Сохраняйте спокойствие».

Что ещё было в том сообщении, неизвестно, но начальники не только вернулись в свои управления, но и строго-настрого запретили кому-либо выходить.

Юнькуй, будучи рядом с Цзян Цзиньмином, после долгих уговоров смог вытянуть из своего наставника пару слов.

— Наставник сказал, что пришли люди из дворца Цяньмин, чтобы арестовать У Дэ. Тот оказал сопротивление, и его, вместе с его людьми, убили, — Юнькуй говорил так, что слюни летели во все стороны. — Раз У Дэ попался, то и У Фу не уйти. Он ведь столько лет пользовался его покровительством... вот и его тоже...

Он провёл рукой по шее.

Доев последний кусок булочки, Цзинчжэ медленно спросил:

— В чём обвиняли У Дэ?

— Он за пределами дворца, прикрываясь именем дворца Цяньмин, вымогал деньги, якшался с чиновниками и содержал женщин, — Шиэнь, самый осведомлённый, тут же выпалил. — И неудивительно, что он закрывал глаза на странные пристрастия У Фу. Оказывается, он и сам был таким же извращенцем.

Цзинчжэ нахмурился. Или ему кажется?

Событие произошло днём, а к вечеру уже была готова такая точная и подробная версия, со всеми деталями... не слишком ли всё гладко?

Он медленно допил воду из чашки. Булочка, съеденная наспех, едва не застряла в горле.

— ...Не слишком ли всё... подробно? — он склонил голову. — Шиэнь, откуда ты это знаешь?

— Не волнуйся, это точно правда, — похлопал себя по груди Шиэнь. — Эта новость от начальника управления Коу.

Коу Хуэй был ещё одним начальником управления.

— Ничего себе, Шиэнь, не знал, что у тебя есть связи с начальником Коу, — Юнькуй ткнул его в бок. — Признавайся.

Шиэнь почесал щёку.

— ...На самом деле, мы с ним земляки.

Он и сам узнал об этом только сегодня.

Когда случилось такое, Шиэнь был напуган до смерти. Он метался по комнате, как муха в банке, когда вдруг услышал, что его зовёт Коу Хуэй.

Шиэнь знал Коу Хуэя и то, что он был неплохим человеком, поэтому осмелился пойти.

К его удивлению, Коу Хуэй встретил его гораздо теплее, чем обычно. Сначала он расспросил о его делах, а затем сказал:

— Я знаю, что вы, мальчишки, натворили.

В тот момент у Шиэня душа ушла в пятки. Он решил, что ему конец.

Увидев его страх, Коу Хуэй улыбнулся и махнул рукой:

— Думаешь, вы всё сделали чисто? Все следы за вами подтёрли я и ваш начальник Цзян Цзиньмин.

Видя его доброжелательность, Шиэнь немного успокоился и, вдруг что-то сообразив, спросил:

— Неужели... начальники управлений тоже... недолюбливали начальника У?

Коу Хуэй холодно хмыкнул:

— Кому может нравиться этот дурак? — он нахмурился так, что между бровями пролегла глубокая складка. — У Фу — не проблема, проблема в его брате.

— Но теперь вам не о чем беспокоиться, — вальяжно добавил он. — У Дэ конец.

Видя любопытство на лице Шиэня, Коу Хуэй не поскупился на объяснения:

— У Дэ иногда выезжал из дворца по делам. Пользуясь этим, он за пределами дворца нажил состояние, содержал женщин, разделял пристрастия У Фу и даже связывался с чиновниками...

Тут лицо Коу Хуэя стало зловещим.

— Как такого можно было терпеть?

Просто ждали удобного момента.

Шиэнь, любитель сплетен, был в восторге. Но, помимо восторга, он чувствовал что-то странное. Главное было...

Он и Коу Хуэй почти не общались.

Он знал, что Коу Хуэй в хороших отношениях с Цзян Цзиньмином, но не до такой же степени, чтобы так тепло к нему относиться.

Если бы дело было в Цзян Цзиньмине, то Коу Хуэй должен был бы сейчас утешать Юнькуя!

Коу Хуэй весело рассмеялся:

— Глупый мальчишка, ты что, не узнал мой говор?

Поступив во дворец, все, независимо от происхождения, должны были говорить на безупречном столичном диалекте.

Говор считался признаком дурного тона.

Шиэнь, когда только поступил во дворец, приложил немало усилий, чтобы научиться говорить правильно.

И сейчас, услышав знакомый с детства говор, он даже не сразу понял...

Коу Хуэй — его земляк!

Рассказывая об этом, Шиэнь гордо выпятил грудь.

— Начальник Коу сказал, что несколько раз просил начальника Цзяна отдать меня ему, но тот не соглашался. Эх, я, видимо, везде нарасхват.

Тогда Коу Хуэй спросил его, не хочет ли он после аттестации в конце года перейти к нему.

Шиэнь колебался, но в итоге покачал головой и, улыбнувшись, поклонился:

— Благодарю за вашу доброту, начальник, но я верю, что смогу пробиться и в Управлении по надзору за дворцовыми залами. А если мне понадобится ваша помощь, я непременно обращусь к вам.

Он говорил с улыбкой, чем очень расположил к себе.

Коу Хуэй рассмеялся и махнул рукой:

— Ладно, ладно. Иди, и больше не о чем не беспокойся.

Шиэнь радостно кивнул, ещё раз поклонился и вышел.

Он не видел, как Коу Хуэй, проводив его, тут же встал, подошёл к ширме и почтительно произнёс:

— Я всё сказал, как вы велели, Евнух-хранитель печати.

Евнух-хранитель печати Фан Цзяцзюй вышел из-за ширмы и удовлетворённо кивнул:

— Хорошо сделано.

— Но... зачем было говорить всё это мальчишке... — тихо спросил Коу Хуэй.

— Не твоё дело, — Фан Цзяцзюй бросил на него холодный взгляд. — И не любопытствуй.

В его голосе прозвучало такое явное предупреждение, что Коу Хуэй тут же опустил голову.

— Слушаюсь.

Цзинчжэ снова и снова прокручивал в голове слова Шиэня.

Всё сходилось.

Если бы не их землячество, с чего бы Коу Хуэю так опекать Шиэня и рассказывать ему такие тайны?

Значит, словам Шиэня можно было верить. К тому же, он не трепался об этом на каждом углу, а поделился только с ними.

Интересно, что Шиэнь, при всей своей любви к сплетням, умел хранить секреты.

О том, что Цзинчжэ не хотел идти во дворец Чжунцуй, и о том, что случилось с Хуэйпином, он никому не проболтался. Даже Гушэн узнал о беде Хуэйпина только сегодня вечером, когда тот сам рассказал.

Убедившись, что У Фу мёртв, Хуэйпин словно сбросил с плеч тяжёлый камень. Он заметно расслабился.

Гушэн же тихо выругался. Он не злился, что от него что-то скрыли.

Если бы об этом стало известно, Хуэйпину было бы только хуже.

Хоть в столице и существовали заведения для любителей «южного ветра», это всё же не считалось приличным. Даже во дворце, если заставляли служанку и евнуха за «парной едой», это не вызывало такого осуждения, как связь двух мужчин...

Особенно того, кто был «снизу». На него всегда смотрели с презрением.

— Хорошо, что сдох, — нахмурился Гушэн. — Но теперь в Управлении по разным делам, наверное, людей не хватает.

После такого скандала Евнух-хранитель печати потерял лицо и действовал очень быстро.

После того как Вэй Хайдун увёз тела, Евнух-хранитель печати Фан Цзяцзюй приказал замести все следы и пресечь любые слухи.

Наверняка завтра появится официальная версия событий.

Проговорив до поздней ночи, все разошлись. Хуэйпин был бодр и весел, его не волновало, что завтра рано вставать.

Он не мог уснуть, а Цзинчжэ, проспавший полдня, и подавно.

— У тебя был такой вид, — тихо сказал Хуэйпин. — Ты что-то видел днём?

Иначе с чего бы Цзинчжэ упал в обморок именно в этот момент?

Цзинчжэ вздохнул:

— Когда У Дэ умирал, я был там.

Хуэйпин ахнул и схватил его за руку.

— Так ты поэтому в обморок упал?

Цзинчжэ колебался. Ему казалось, что он не упал в обморок от страха, а что его вырубил Жун Цзю.

Доказательств не было, но он был в этом уверен.

Но он промолчал, и Хуэйпин остался при своём мнении.

— Слава всем богам и буддам, что с тобой всё в порядке, — Хуэйпин сложил руки и поклонился во все стороны. — Я слышал, что все люди У Дэ мертвы... постой, чёрт возьми, так У Дэ пришёл за тобой!

До Хуэйпина наконец дошло, что означали слова Цзинчжэ, и он рассердился.

— Почему ты молчал, когда все были здесь?

Он одновременно испугался и обрадовался, что Цзинчжэ выглядит целым и невредимым.

Цзинчжэ опустил глаза и тихо сказал:

— У Дэ, должно быть, пришёл навестить У Фу и догадался, что я причастен к его сломанной ноге. Поэтому и пришёл с людьми. Но... — он запнулся, его голос стал ещё тише, — он не был похож на... беглеца.

Другие могли не знать, но разве Цзинчжэ не знал?

Жун Цзю убил У Дэ.

Сколько бы грехов ни было на душе У Дэ, Жун Цзю сделал это ради Цзинчжэ.

При этой мысли у Цзинчжэ разболелась голова.

Всё было логично, но во всей этой истории была одна неувязка.

И имя ей — Жун Цзю.

Услышав слова Цзинчжэ, Хуэйпин беззаботно отмахнулся:

— А что тут такого? Значит, когда У Дэ пришёл в Управление, он и не думал, что его схватят, поэтому и был один. А на него, наверное, уже давно устроили засаду, ждали, пока он расслабится!

— ...Правда? Он всего лишь евнух второго ранга, зачем такая осторожность?

— Днём ты спал и не слышал, как Юнькуй говорил, что У Дэ владел боевыми искусствами, — прошептал Хуэйпин.

— ...А, вот оно что.

Он кивнул. Хуэйпин с нежностью погладил его по голове и уложил в постель.

— Не думай об этом. Отдыхай, а завтра проснёшься, и всё будет хорошо.

Цзинчжэ с горькой улыбкой закрыл глаза. Через мгновение он мысленно позвал систему.

«Ты видел, что произошло днём?»

[Носитель, система может отслеживать только цели, связанные с заданиями, и не знает остального. Но У Фу действительно арестовал Вэй Хайдун.]

С тех пор как Цзинчжэ очнулся, его не отпускало чувство тревоги, не давая спокойно подумать.

Он закрыл глаза. Вэй Хайдун...

Необъяснимая паника наконец немного улеглась.

Он сцепил руки на груди, словно пытаясь согреть бешено колотящееся сердце.

Засыпая, Цзинчжэ боялся, что ему приснятся ужасные картины, но, к своему удивлению, проспал до самого утра.

Проснулся он как раз вовремя, чтобы встать на работу.

Проспав полдня, а затем всю ночь, он чувствовал себя отдохнувшим и свежим. Ему даже не снились сны.

Он молча умылся, оделся.

Неужели... он такой смелый?

Когда он вышел на работу с Юнькуем и остальными, он увидел, что все обходят одно место стороной. Наверное, там вчера и погиб один из тех евнухов.

Они, не сговариваясь, тоже пошли в обход.

Никто не произнёс ни слова.

Только к полудню появилось официальное заключение.

Цзян Цзиньмин собрал всех евнухов Управления во дворе.

— Думаю, вы все слышали о вчерашнем происшествии в Управлении по разным делам.

Несколько человек в строю побледнели.

Как же, слышали.

Некоторые из них наткнулись на трупы.

— У Фу много лет бесчинствовал в Управлении, прикрываясь своим братом из дворца Цяньмин, — спокойно продолжал Цзян Цзиньмин. — Вчера командир Вэй прибыл, чтобы арестовать преступника У Дэ. В ходе погони несколько человек погибли, но в итоге братья У Дэ и У Фу были убиты на месте, и зло пресечено.

При этих словах в толпе начался шёпот.

Цзян Цзиньмин не стал их останавливать.

— Теперь в Управлении по разным делам осталось всего три-четыре человека, этого недостаточно для работы. Придётся перевести людей из других управлений. Из нашего пойдут двое.

Он назвал два имени.

— Пока будете работать там. Евнух-хранитель печати сказал, что до прибытия новичков вы будете получать двойное жалованье.

Те двое, что сначала были недовольны, при упоминании двойного жалованья повеселели.

Всё-таки, после такого в Управлении по разным делам было страшно. Но за двойную плату можно и потерпеть.

Закончив с этим, Цзян Цзиньмин почувствовал облегчение и распустил всех.

Смерти У Фу в Управлении были только рады. Никто не скорбел.

Благодаря вмешательству начальников управлений, работа в Управлении по разным делам была налажена, и через несколько дней шум утих.

Именно в это время в Управление пришли Чжэн Хун и Ху Ли из Управления по закупкам.

Ху Ли пришёл к Хуэйпину.

Два земляка, встретившись, тут же оживлённо заговорили и вышли на улицу. А Чжэн Хун, как обычно, был навьючен мешками и, несмотря на прохладную погоду, вспотел.

— Что это? — спросил Цзинчжэ, помогая ему разгрузиться.

— А что, не видно? — огрызнулся Чжэн Хун.

Он без церемоний подошёл к столу и залпом выпил несколько чашек воды.

Цзинчжэ развязал мешки и замолчал.

...Сколько же всего.

От нижнего белья и тёплой одежды до сапог и носков, и даже всякие туалетные принадлежности. А в коробках — всевозможные долгохранящиеся продукты. Поистине, позаботились обо всём.

Неудивительно, что Чжэн Хун был так нагружен.

— Надо же, сколько всего, — удивился Чжэн Хун, глядя на вещи, разложенные на кровати Цзинчжэ.

Он посмотрел на юношу.

— Эй, скажи мне, это точно твой брат? А то, я смотрю, это больше похоже на содержание любовника, — он цокнул языком. — Вот это хватка.

— Следи за языком, — не поднимая головы, ответил Цзинчжэ, разбирая вещи.

Затем, помолчав, всё же поднял глаза.

— Какая ещё хватка?

Чжэн Хун, видя, что Цзинчжэ, который за десять лет не завёл себе ни одного увлечения, ничего не понимает, закатал рукава, готовый просветить его.

— Цзинчжэ, я тебе вот что скажу. Если у тебя нет к этому твоему брату никаких чувств, то лучше держись от него подальше.

Цзинчжэ, кое-как освободив на кровати место, чтобы сесть, спросил:

— Что ты несёшь? Ни одного нормального слова.

— Эх, ты не понимаешь, — вздохнул Чжэн Хун.

Он ткнул пальцем в одежду на кровати.

— Нижнее бельё, носки, пояс... ну кто дарит такие вещи? Это же неприлично.

Он давно хотел это сказать, но в этот раз всё было уж слишком, и он не сдержался.

— В прошлый раз ещё ладно, но теперь он решает, что тебе есть, что носить. Тебе не кажется это... жутким?

Цзинчжэ попытался сопоставить это определение с Жун Цзю, но у него ничего не вышло.

Хотя, насчёт «жуткого» он был согласен.

Но не из-за этого, а из-за того, с какой жестокостью тот убивал людей.

В конце концов, знать и видеть своими глазами — это разные вещи.

Видя, что Цзинчжэ никак не прозреет, Чжэн Хун развёл руками.

— Ладно, раз ты такой недогадливый, то так тебе и надо. Он контролирует каждый твой шаг, от еды до одежды, а ты и не замечаешь. Если ты и этого не понял, то ты совсем дурак.

Цзинчжэ надулся. Слышать такое от Жун Цзю — одно, но от Чжэн Хуна — совсем другое.

Он пнул его под зад.

— Хватит болтать. Лучше расскажи о Ху Ли. С ним всё в порядке?

Хуэйпин чуть не влип в историю из-за этого парня. Если Ху Ли окажется неблагодарным, он не сможет остаться в стороне.

— Не волнуйся, — лениво ответил Чжэн Хун. — Парень он хоть и глуповат, но хороший. По крайней мере, совести у него больше, чем у некоторых в этом дворце.

Только тогда Цзинчжэ успокоился.

Чжэн Хун хоть и был жадноват до денег, но в людях разбирался.

Иначе как бы он столько заработал?

Каждый раз, видя добросердечие Цзинчжэ, Чжэн Хун не мог удержаться от колкости:

— Ты же раньше не хотел ни с кем дружить. Что изменилось в этом Управлении?

— У меня и раньше были друзья, — не отрываясь от разбора вещей, спокойно ответил Цзинчжэ.

— Миньюй — мой друг. И ты разве нет?

Чжэн Хун замолчал.

— И тот... мой немного властный друг... он тоже друг. Наверное, после встречи с ним я и начал меняться.

Тут Цзинчжэ поднял голову, и в его глазах заплясали смешинки.

— Мне кажется, что нужно радоваться жизни и не подавлять себя. Так будет лучше.

Все эти перемены принёс в его жизнь Жун Цзю.

Чжэн Хун долго смотрел на Цзинчжэ, затем, качая головой, пошёл к выходу, бормоча что-то про «дуракам везёт». Его спина выглядела удручённой.

Словно у бедного отца, у которого только что увели любимое дитя.

И немного разъярённой.

Во дворце Шоукан витал аромат чая.

Вдовствующая императрица пила чай, вполуха слушая отчёт придворной дамы:

— ...Управление по надзору за дворцовыми залами... люди из дворца Цяньмин... проверка... связь прервана...

К очередной неудаче Вдовствующая императрица отнеслась спокойно.

— Уверена, что все концы в воду?

— Да, ничего не нашли.

Только тогда Вдовствующая императрица кивнула.

С Управлением вышла досадная оплошность. Смерть У Дэ — не беда, но из-за этого Нин Хунжу снова провёл чистку во дворце Цяньмин и вырвал с корнем их с таким трудом посаженных шпионов.

Хуан Ицзе сидела рядом и, слушая их разговор, сохраняла на лице вежливую улыбку. Когда Вдовствующая императрица посмотрела на неё, она многозначительно спросила:

— Гуйфэй, тебе не кажется, что Его Величество в последнее время ведёт себя как-то странно?

Хуан Ицзе поклонилась и тихо ответила:

— Ваше Величество, мне кажется, у Его Величества появилось что-то... или кто-то... дорогой его сердцу.

— О, и с чего же ты это взяла? — с интересом спросила Вдовствующая императрица.

За все эти годы, кроме истории с Вдовствующей императрицей Цышэн, она не могла найти у Цзинъюаня ни одной слабости. Если бы удалось за что-то зацепиться, это было бы куда интереснее, чем нынешнее перетягивание каната.

— Я пыталась наложить на Его Величество чары «Чаньхунь», но они не подействовали. Только тот, чьё сердце уже занято, может противостоять их действию.

Это был шанс, который она выискивала с огромным трудом.

Ещё до того, как Вдовствующая императрица отменила приказ.

Из-за неудачи и отмены приказа Хуан Ицзе не стала докладывать об этом.

Услышав это, Вдовствующая императрица просияла.

— Прекрасно, — она хлопнула в ладоши, мысленно перебирая всех наложниц в гареме.

Какая же из них смогла затронуть сердце этого холодного, жестокого чудовища?

— Апчхи!

Цзинчжэ зябко вздрогнул. Вчера выпал первый снег, и температура резко упала. Дрожа от холода, он натянул на себя тёплую одежду.

Он не собирался шутить со своим здоровьем. Заметив, что постоянно чихает, он, закончив работу, выпил несколько чашек горячей воды и проглотил пилюлю.

В Управлении по надзору за дворцовыми залами было лучше, чем в Северных покоях, — здесь слугам выдавали немного угля.

Перед сном можно было растопить печь.

Когда Цзинчжэ навещал Миньюю в Северных покоях, он расхваливал это на все лады, и наконец ленивый Миньюй соблазнился.

Он очень боялся холода.

Воспользовавшись редким визитом Цзинчжэ, Миньюй вцепился в него и выпытал все последние новости. Услышав, что это дело рук Жун Цзю, он огляделся по сторонам и, убедившись, что никого нет, больно ущипнул Цзинчжэ за ухо.

— За что ты меня? — обиженно спросил Цзинчжэ.

— За то, что ты такой дурень! — прошипел Миньюй. — Что я тебе говорил? Ты просто ослеп от его смазливой мордашки!

— Но грелка, которую ты держишь, — тоже его подарок, — пробормотал Цзинчжэ.

Миньюй, обожавший тепло, был в восторге от грелки. Угля для неё требовалось немного, и он мог потихоньку таскать его, когда Чэнь Миндэ приказывал вскипятить воду.

Но благодарности он не выказывал. Наоборот, он ещё сильнее ущипнул Цзинчжэ за ухо, словно собираясь его оторвать.

— Так ты теперь за чужих, да?

Цзинчжэ с трудом вырвался, потирая горящее ухо.

Он и не думал, что маленький Миньюй может быть таким свирепым.

И в чём он виноват?

Людей ведь узнают постепенно. А то, что... иногда ошибаются, это же нормально!

Ш-шарх, ш-шарх.

Цзинчжэ шёл по снегу, утопая в нём по щиколотку. Время от времени ему приходилось останавливаться и стряхивать снег с сапог.

В Северных покоях снег почти не убирали. Хотя это и была территория Управления по надзору за дворцовыми залами, это место словно игнорировали.

Когда он шёл сюда, он был один. И обратно шёл один.

Две прерывистые цепочки следов тянулись по снегу. Дойдя до развилки, Цзинчжэ вдруг остановился.

Под зонтом стоял Жун Цзю.

В кружащемся снежном вихре бумажный зонт казался единственным укрытием от белой пелены.

Жун Цзю стоял под ним, холодный и неподвижный, как изваяние. Его тёмные глаза были устремлены на Цзинчжэ, вышедшего из Северных покоев.

Этот взгляд был пугающим. Холодным, как преисподняя.

Иногда Цзинчжэ казалось, что Жун Цзю — каменное изваяние, лишённое чувств и желаний.

Когда его лицо было непроницаемым.

Когда он жестоко убивал.

У Цзинчжэ были смутные воспоминания, размытые картины, в которых он, кажется, касался этого прекрасного, острого лица, высоких бровей, длинных, густых ресниц... и ощущал холод, словно прикасался к мертвецу.

Ему было немного страшно.

Цзинчжэ медленно подошёл к Жун Цзю и поднял на него глаза.

Он был ниже, и каждый раз, чтобы посмотреть на него, ему приходилось задирать голову. А чтобы обнять за шею — и вовсе вставать на цыпочки.

— Боишься меня?

Голос был ледяным, холоднее зимнего ветра, а в его глубине таилась ярость, подобная чудовищу, затаившемуся во тьме.

— Боюсь, — тихо ответил Цзинчжэ.

Он не мог не бояться. Увидев жестокость и жажду крови этого человека, он узнал его тёмную, пугающую сторону.

Но прежде чем Жун Цзю успел что-то сделать, он встал на цыпочки и обнял его за шею, прижавшись головой к его плечу.

Так холодно.

Сколько он здесь простоял?

Зонт был покрыт снегом.

Значит, долго.

Цзинчжэ, подавляя страх, прижался к нему, как глупый, напуганный зверёк, который всё равно возвращается к обидчику в поисках тепла.

— Но и скучаю.

Его движения были скованными, но он обнимал крепко.

Даже Жун Цзю, со всей его силой, не смог бы сразу вырваться.

Он отбросил зонт и в снежном вихре обнял Цзинчжэ.

...Какой же он жалкий.

Зачем же Цзинчжэ добровольно лезет в пасть к зверю?

Такое поведение не вызовет у чудовища жалости, а лишь разожжёт его жестокость. Жун Цзю скрыл тьму в своих глазах, подавляя жажду крови под бледной кожей.

Такой глупый и послушный.

Примечание автора:

Цзинчжэ: Знаешь, даже мои друзья не смеют называть меня глупым.

<http://bllate.org/book/16993/1586183>